

DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9

УДК 332.1 | ББК 65.049

© Кожевников С.А., Патракова С.С.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В РАКУРСЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ¹

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА ПАТРАКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: sspatrakova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4834-3083

Рыночные реформы 90-х гг., несмотря на некоторые позитивные последствия для России, привели к нарушению ряда межрегиональных связей, усилению дезинтеграционных и фрагментационных процессов в пространстве, формированию «островов экономической выгоды» национального уровня и деградации внутрирегиональных центров притяжения. Вместе с тем в настоящее время необходимость развития межрегионального сотрудничества и усиления связности экономического пространства обострила сложная мировая политическая и геоэкономическая ситуация. В этих условиях факторами дальнейшего социально-экономического развития России являются внутренние источники, эффективное использование которых зависит от связности национального пространства, интенсивности перемещения в нем экономических ресурсов

Для цитирования: Кожевников С.А., Патракова С.С. Интеграционные процессы на Европейском Севере в ракурсе межрегиональных миграций населения // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 134–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9

For citation: Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Integration processes in the European North from the perspective of the interregional population migrations. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 5 (109), pp. 134–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2099.2020.6 «Механизмы управления пространственной интеграцией экономики регионов Европейского Севера России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

и т. д. При этом особую важность повышение связности имеет для северных регионов, где наблюдается значительная внутренняя пространственная неоднородность. Цель статьи заключается в исследовании интеграции пространства Европейского Севера России (ЕСР) в ракурсе межрегиональных миграционных потоков. В работе использованы монографический метод, методы анализа и синтеза, приемы экономико-математического и статистического анализа. В результате установлено, что наблюдаемое сокращение численности населения субъектов ЕСР в постсоветский период было обусловлено значительными масштабами как естественной, так и миграционной убыли. Определено, что повышение степени интегрированности Европейского Севера в экономическое пространство Северо-Западного федерального округа связано не только с активным вовлечением субъектов ЕСР в миграционные потоки более крупного экономического региона, но и со структурными диспропорциями в экономике, разрушением устоявшихся хозяйственных связей Севера, фрагментацией и дезинтеграцией всего российского пространства. Результаты работы вносят вклад в развитие представлений о пространственной связанности северных территорий и могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований по схожей тематике, а также федеральными и региональными органами власти при разработке стратегий и программ социально-экономического и пространственного развития.

Экономическое пространство, интеграция, связность, миграционные потоки, Европейский Север России.

Введение

К настоящему времени остро проявились негативные последствия пространственной трансформации Российской Федерации в постсоветский период. Особое внимание привлекают возрастающий центростремительный вектор развития, сохраняющиеся меж- и внутрирегиональные различия в качестве жизни населения, процессы хозяйственного опустынивания и обезлюдивания освоенных ранее, а также удаленных от центров экономической, политической, культурной жизни страны территорий и т. д. Эти факты, а также общая тенденция концентрации экономической активности, сопровождающаяся миграцией экономических ресурсов из периферии в центр, с востока на запад, из территорий добывающей специализации в регионы обрабатывающей ориентации, способствуют углублению проблем, связанных с обеспечением интегрированности пространства России [1].

С целью устранения проблем современного экономического пространства (ЭП) страны, минимизации рисков пространственного развития и повышения эффективности использования «пространствен-

ного» фактора была разработана и принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года² (далее – Стратегия). В целом принятие Стратегии является важным этапом в формировании концепции и системы управления развитием современного пространства [2]. Однако, как отмечает д.э.н., профессор О.В. Кузнецова, заложенные в этом документе идеи и подходы оцениваются в научном сообществе весьма неоднозначно, а повышение качества государственного управления в сфере пространственного развития требует решения ряда задач и широкого экспертного обсуждения [3].

Отдельное внимание в Стратегии уделяется развитию сотрудничества (как межрегионального, так и межмуниципального), в связи с чем ввиду ряда институциональных и организационных проблем необходима отдельная теоретико-методологическая проработка. При этом своевременность и актуальность исследования интеграции, предложений по формированию принципов и критериев оценки мегапроектов, реализуемых на территориях нескольких субъектов РФ, обусловлены предусмотренным гори-

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р / Сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/35733>

зонтом времени для перехода от фрагментарного, поляризованного, конъюнктурно-истощительного использования территории к целостному, социально-эколого-экономическому развитию [4].

При этом особое значение развитие интеграционных связей имеет для северных регионов России, где факторы первой (природные и климатические условия) и второй (обусловленные человеческой деятельностью) природы усиливают внутреннюю неоднородность и разорванность экономического пространства.

Целью работы является исследование интеграции экономического пространства субъектов Европейского Севера России (ЕСР) в ракурсе межрегиональных миграционных потоков. Это предполагает постановку и решение следующих задач:

1) рассмотрение теоретико-методологических аспектов пространственной интеграции и связности регионов;

2) анализ ключевых тенденций и проблем связности ЭП субъектов ЕСР в части межрегионального обмена наиболее ценным для общества фактором производства – человеческими (трудовыми) ресурсами;

3) разработка рекомендаций, направленных на повышение связности, интенсивности, равноценности миграционных потоков в ЭП в границах СЗФО и улучшение демографической ситуации в субъектах ЕСР.

Объектом исследования выступает экономическое пространство субъектов ЕСР, предметом – межрегиональные миграционные взаимосвязи и интеграционные/деинтеграционные процессы в нем. Научная новизна заключается в изучении связности экономического пространства как одной из предпосылок развития интеграционных процессов через призму межрегиональных потоков населения.

Теоретико-методологические основы исследования

Исходя из понимания сложности и многомерности самого ЭП, объектами исследо-

вания пространственной экономики выступают не только закономерности, факторы и условия размещения производительных сил по территории, но и процессы и явления, разворачивающиеся в пространстве [5]. Одними из наиболее сложных для управления становятся интеграционные и дезинтеграционные процессы – противоположные по сути, но тесно связанные между собой.

Пространственная интеграция, если апеллировать к научным выводам ученых Института экономических исследований ДВО РАН [6], Института экономики РАН [7], воспринимается как одно из направлений пространственного развития (как процесс) и как результат пространственного развития (как состояние). При этом глубинной причиной интеграционных процессов является необходимость установления долговременных хозяйственных связей между объектами и получения позитивных синергетических эффектов, вызванная неравномерностью распределения экономических ресурсов по территории [8].

Интеграция ЭП выступает мощным инструментом ускорения социально-экономического развития территорий и создания единого пространства за счет усиления взаимосвязей в экономической, политической, культурной сферах, развития коммуникаций, поддержания многосторонних потоков ресурсов, технологий. Среди основных предпосылок, обуславливающих развитие интеграционных процессов, выделяют территориальную близость регионов и наличие связующей инфраструктуры, присутствие миграционного обмена, наличие исторических связей между регионами, в т. ч. территориально-производственных связей в рамках общественного разделения труда, сходство в проблемах социально-экономического и пространственного развития, общую заинтересованность в получении синергетических эффектов³. Таким образом, можно сделать следующий вывод: главное условие дальнейшего развития

³ Кожевников С.А. Теоретические основы пространственной интеграции экономики регионов // V Научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий». URL: <http://econproblem.isert-ran.ru>

интеграционных процессов в экономическом пространстве – это такое его важнейшее свойство, как связность (производственно-экономическая, миграционная, культурная, транспортная и т. д.).

В целом различные аспекты пространственной интеграции разного уровня (наднациональной, региональной, внутрирегиональной) отражены в работах отечественных ученых, например, А.Г. Гранберга, П.А. Минакира, С.А. Суспицына, В.Н. Лаженцева, Е.М. Бухвальда, И.А. Татаркина и др.

В фокусе внимания зарубежных исследователей (R.B. Ekelund, R.F. Hébert [9], Ph. De Voe, C. Grasland, A. Healy [10], M. Fujita, P. Krugman, A.J. Venables [11], R. Amdam [12], M. Fischer и др. [13]) находятся как теоретико-методологические, так и практические аспекты обеспечения пространственной интеграции. К примеру, доктор D.C. Okeke (представитель Университета Нигерии) описал парадигму пространственного развития для региональной интеграции в развивающихся странах, в частности для Африки⁴. V. Biot, A. Colard (представители Брюссельского свободного университета), рассматривая политику планирования пространственного развития Европейского союза, выявили существующий дисбаланс между заинтересованными сторонами, различия в целях, отсутствие координации, а также отсутствие надрегионального видения [14]. A. Uszkaі (Университет святого Иштвана Венгрии), исследуя теоретико-методологические аспекты экономической интеграции применительно к пространственным единицам, обосновывает, что возможные методы измерений ее глубины существенно определяются пространственными уровнями [15].

С опорой на Руководство по устойчивому пространственному планированию Европы и Концепцию пространственной интеграции зарубежные ученые полагают [10], что сбалансированное развитие трудности-

жимо без пространственной интеграции и сотрудничества регионов. В их отсутствие можно столкнуться с «островами экономической выгоды, окруженными менее развитыми районами».

Таким образом, обеспечение интеграции экономического пространства является важной научной и практической задачей, поскольку в современном динамичном мире именно взаимовыгодное сотрудничество становится одним из основных факторов экономического успеха и развития. При этом одной из предпосылок развития интеграционных процессов является связность в контексте межрегионального обмена капиталом, информацией, товарами и услугами и, на наш взгляд, наиболее ценными для общества человеческими (трудовыми) ресурсами.

Пространственный характер миграции обусловлен тем, что совокупные миграционные потоки выходят за рамки одного региона, а их результатом выступают уменьшение числа людей из региона происхождения и дифференцированное прибавление людей в каждом регионе назначения [16] (т. е. пространственное взаимодействие и перераспределение экономической активности). С другой стороны, проблемы, связанные с распределением населения (быстрая урбанизация и концентрация населения, депопуляция сельских районов, снижение интенсивности возвратных миграций и др.), также имеют пространственную специфику.

N.D. Coniglio⁵, рассматривая базовую модель П. Кругмана [17], приходит к выводу: даже если регионы априори идентичны, благодаря только миграционным связям они могут дифференцироваться на индустриальное ядро и периферию либо интегрироваться, формируя новые пространственные структуры. Соответственно, повышение интенсивности (в идеале равноценных) миграционных потоков между регионами будет способствовать росту общей интегрирован-

⁴ Okeke D.C. An analysis of spatial development paradigm for enhancing regional integration within national and it's supporting spatial systems in Africa. Thesis submitted for the degree Philosophiae Doctor in Urban and Regional Planning. 2015. 411 p. URL: <https://repository.nwu.ac.za/handle/10394/15485>

⁵ Coniglio N. Regional integration and migration: an economic geography model with heterogeneous labour force. URL: https://ideas.repec.org/p/gla/glaewp/2003_1.html

ности (экономической, социальной, культурной и др.) в рамках единого пространства.

Обращаясь к выводам А. Rogers и др., можно отметить, что исходное представление миграции как сложного процесса в ЭП должно учитывать влияние численности населения в местах происхождения и назначения, а также некий фактор «разделения» или «взаимодействия» между этими местами. По мере усложнения методологии исследований, совершенствования инструментария пространственной экономики и, что не менее важно, появления в доступе необходимых статистических данных, при рассмотрении миграционных пространственных связей стали применяться логарифмические линейные модели [16], программное обеспечение (например, IMAGE Studio [18]).

К сожалению, сложившиеся в настоящее время в России миграционные тенденции характеризуются низкой территориальной и трудовой мобильностью населения, при которой основной поток мигрирует из восточных и северных регионов в центральные и южные и из сельской местности в городскую, а система пространственных связей между институтами на рынке труда полноценно не сформирована, что в итоге не позволяет использовать функции внутренней миграции как инструмента перераспределения трудовых ресурсов между регионами [19; 20]. С другой стороны, неполнота имеющихся в открытом доступе исходных данных ограничивает возможности дальнейшего анализа.

Методы и методика

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной и пространственной экономики. Информационной базой послужили стратегические документы в области социально-экономического развития территорий, официальные интернет-ресурсы органов власти и статистических служб и т. д.

В работе использовались монографический метод, методы сравнительного анализа и синтеза полученной информации, аналогии, приемы экономико-математического и статистического анализа.

В целях выявления тесноты и интенсивности межрегиональных миграционных связей ЕСР с учетом ограниченности статистических данных, применялись как абсолютные показатели миграции (показатели прибытия, выбытия, миграционного оборота), так и относительные:

1) коэффициенты результативности миграционных связей (КРМС), рассчитываемые как частное от деления численности выбывших из региона i в регион j на численность прибывших в обратном направлении, в промилле, выявляющие степень неравномерности парного обмена населением. При КРМС ниже 800‰ регион i активно получает население, выше 1250‰ – активно теряет (границы равноценности – 800–1250‰);

2) коэффициенты интенсивности миграционных связей (КИМС), рассчитываемые как отношение парного объема выбытий в итоговом объеме выбытий i -го региона к миграционной емкости этого региона во всей активной среде массива, свидетельствующие о тесноте миграционных связей между регионами (чем выше значение КИМС, тем сильнее связь, чем ближе к нулю – тем слабее);

3) миграционные индексы пространственной структуры оборота (МИПС), также позволяющие определять тесноту миграционных связей между территориями, но в отличие от КИМС не только по ряду миграционных партнеров региона, но и по всему массиву парных миграционных связей. МИПС свидетельствует, во сколько раз теснота связи между двумя регионами выше средней арифметической взвешенной по всему массиву межрегиональных миграционных связей.

Использование таких показателей обусловлено тем, что только по абсолютным объемам межрегиональной миграции объективно выявить предпочтения невозможно, поскольку в этом случае лидирующие места будут занимать пары наиболее крупных по численности населения регионов [21]. Кроме того, исследование с применением отмеченных показателей может проводиться по любым видам перемещений и типам исходных

данных, делая анализ миграционных потоков более гибким, полным и корректным.

Результаты и обсуждение

В процессе пространственного развития отдельных территорий и регионов интеграция ЭП в силу внешних и внутренних причин может сменяться дезинтеграцией и фрагментацией [22]. При рассмотрении вопросов модернизации и обеспечения развития пространства России актуален поиск не столько мер по содействию интеграционным процессам и предотвращению фрагментационных, сколько механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального ЭП [6]. Иными словами, на смену стандартизированным механизмам развития должны прийти более гибкие и конкретизированные в соответствии с природно-климатическими, исторически сложившимися социально-экономическими, этническими и другими особенностями регионов.

В то же время в рамках обеспечения социально-экономического и пространственного развития всей страны отдельного внимания требуют северные территории России, ЭП которых в значительной степени отличается своей разреженностью, неоднородностью, очаговостью экономической активности и систем расселения. На наш взгляд, вовлечение их в различные общественные отношения (как на внутрирегиональном, так и на межрегиональном уровне) является одним из условий обеспечения целостности государства.

Европейский Север специфичен ввиду своего экономико-географического положения, сформированных хозяйственных связей, истории промышленного освоения и заселения, культурного наследия, сложившихся производственных цепочек и т. д. К настоящему времени в силу рыночных преобразований, изменений в социально-экономической политике России, усложнения геополитических и геоэкономических отношений между странами и влияния прочих экзо- и эндогенных факторов в субъектах ЕСР трансформировались производственный каркас

и каркас расселения, характер и интенсивность потоков экономических ресурсов (товаров и услуг, информационных и человеческих ресурсов). Рассмотрим далее состояние пространственной интеграции в контексте связанности межрегиональными миграционными потоками (потоки населения и, соответственно, перемещения рабочей силы значительно влияют на сохранение пространства территорий и степень их хозяйственной освоенности).

Первоначально проанализируем демографические процессы, сформировавшиеся в постсоветский период на Европейском Севере. Так, наибольшее сокращение численности постоянного населения ЕСР наблюдалось в Мурманской (в 1990–2018 гг. на 37%, тогда как в среднем по России – 0,8%; табл. 1) и Архангельской областях, Республике Коми. Значительное влияние при этом оказали не только естественные причины, но и миграционный отток населения.

Одной из основных причин естественной убыли населения ЕСР, на наш взгляд, стало снижение рождаемости вследствие массового оттока населения моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов (вследствие сокращения производства и появления безработицы, распада СССР), что негативно сказалось на трудовом и демографическом потенциале (в советское время численность населения поддерживалась и даже возрастала благодаря притоку населения – рабочей силы, необходимой для интенсивного хозяйственного освоения). При этом коэффициенты демографической нагрузки за период 1990–2018 гг. увеличились (например, нагрузка лиц старше трудоспособного возраста на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста увеличилась в 1,3–2,6 раза), что было обусловлено старением населения (доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения в 2018 году в 1,3–2,4 раза выше уровня 1990 года). С другой стороны, при переходе к рыночной экономике не было создано действенных инструментов и механизмов, противовесов масштабному оттоку жителей.

Если ранее отъезд населения из субъектов ЕСР был обусловлен в основном поиском

Таблица 1. Численность населения регионов ЕСР

Территория	Год							2018 год к 1990 год, %
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018	
Численность постоянного населения в среднем за год, тыс. чел. (РФ – млн чел.)								
РФ	147,9	148,4	146,6	143,5	142,9	146,4	146,8	99,23
Республика Карелия	791,6	767,0	732,1	682,8	645,7	631,2	620,3	78,36
Республика Коми	1244,4	1144,7	1050,4	972,9	905,6	860,6	835,6	67,15
Архангельская область (с НАО)	1572,2	1487,1	1379,7	1290,5	1231,2	1178,7	1149,6	73,12
Ненецкий авт. округ	51,8	43,9	41,1	41,9	42,1	43,6	43,9	84,72
Вологодская область	1354,1	1336,2	1294,9	1240,4	1204,8	1189,4	1172,2	86,56
Мурманская область	1190,1	1052,0	931,9	848,2	796,9	764,2	750,8	63,09
Естественный прирост / убыль населения, чел.								
Республика Карелия	2481	-6116	-5709	-5697	-2659	-1924	-3108	-
Республика Коми	7609	-3952	-3688	-4099	-171	1145	-1362	-
Архангельская область (с НАО)	5761	-8988	-10390	-8129	-2509	-1227	-3816	-
Ненецкий авт. округ	531	32	10	94	199	364	224	-
Вологодская область	1989	-10219	-9382	-10357	-5072	-1262	-4531	-
Мурманская область	6401	-3417	-2785	-3156	-193	276	-1099	-
Миграционный прирост / отток населения, чел.								
Республика Карелия	-	1518	1217	138	-1031	-734	-1320	-
Республика Коми	-	-12091	-6776	-7312	-8630	-8738	-9276	-
Архангельская область (с НАО)	-	-4613	-6108	-5044	-7956	-8018	-7093	-
Ненецкий авт. округ	-	-1155	-187	-59	-130	101	-392	-
Вологодская область	-	6080	1507	314	-194	-2063	-4445	-
Мурманская область	-	-16017	-9926	-5177	-6713	-4384	-4402	-
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.								

работы, то в настоящее время среди основных его причин исследователи [23] называют причины личного, семейного характера и связанные с возвращением на прежнее место жительства; поиск новой работы и последующее трудоустройство; получение образования. Вероятно, также оказывают влияние и неудовлетворительное состояние инфраструктуры северных территорий (социальной, инженерной), сложные климатические условия, внутренние установки, желание удовлетворить социальные потребности и др.

Статистические данные свидетельствуют о том, что с 1990 года наиболее активно на ЕСР население мигрировало из Республики Коми и Ненецкого автономного округа (табл. 2).

Согласно Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. донорами переселенцев для ЕСР выступают все субъекты РФ, вместе с тем традиционно наиболее сильные миграционные связи имеются с субъектами Северо-Западного, Центрального и Приволжского федеральных округов (табл. 3). Необходимо отметить, что для ЕСР характерна высокая доля коренного населения в общей его численности.

При этом, как отмечают исследователи [24], северные территории получают менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные (что было отмечено еще в конце 1990-х гг.). Например, среди прибывших из-за пределов Республики Коми мигрантов в 2015 году имели высшее и среднее про-

Таблица 2. Коэффициенты миграционного прироста, чел. на 10 тыс. чел. населения

Территория	Год								2018 год к 1990 году
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018	
Республика Карелия	-35	-16	-13	-115	-54	-12	-31	-21	14
Республика Коми	-134	-178	-108	-163	-139	-102	-112	-111	23
Архангельская область (с НАО)	-78	-89	-79	-72	-82	-68	-69	-62	16
Ненецкий автономный округ	-170	-275	-62	-21	-50	23	-53	-89	81
Вологодская область	-20	21	1	-4	-17	-17	-31	-38	-18
Мурманская область	-77	-254	-167	-169	-69	-57	-46	-59	18

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 3. Население ЕСР по месту рождения, % к общей численности населения

Регион проживания	Республики Карелия		Республика Коми		Архангельская область		Ненецкий авт. округ		Вологодская область		Мурманская область	
	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год
Центральный ФО	4,7	3,9	5,7	4,3	3,9	3,2	2,1	1,9	4,1	3,6	9,2	7,3
Северо-Западный ФО	9,3	8,0	4,7	4,1	6,1	5,3	13,3	14,5	4,9	5,0	12,1	10,6
Южный ФО	1,3	0,7	2,6	1,4	1,1	0,7	1,9	1,2	0,8	0,5	3,3	2,0
Северо-Кавказский ФО	-	0,4	-	0,6	-	0,3	-	0,6	-	0,3	-	0,9
Приволжский ФО	3,0	2,4	8,1	6,9	3,0	2,6	2,8	3,1	2,1	2,0	6,8	5,6
Уральский ФО	0,8	0,7	1,4	1,2	0,6	0,5	0,8	0,7	0,6	0,6	1,5	1,2
Сибирский ФО	1,1	1,0	1,6	1,2	0,8	0,7	1,0	0,8	0,9	0,8	1,9	1,5
Дальневосточный ФО	0,5	0,5	0,6	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,9	0,7
Доля населения, не указавшего место рождения и имеющего местом рождения зарубежные страны	9,0	11,3	10,1	11,8	5,3	5,4	7,5	6,0	5,3	8,9	16,4	20,5
Доля коренного населения	70,3	71,1	65,1	68,1	78,9	81,1	70,4	70,9	81,0	78,1	47,9	49,5

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.

фессиональное образование 66,5%, а среди выбывших за пределы республики – 69,0% (разница составила в абсолютном значении 5,4 тыс. чел.).

Соответственно отмеченному сокращению численности плотность населения в целом на территориях снижалась и к 2018 году составила в Архангельской области 1,95 чел. / кв. км (в 1990 году – 2,68), Республике Коми – 2 чел. / кв. км (2,99), Карелии – 3,44 чел. / кв. км (4,59), Вологодской области – 8,11 чел. / кв. км (9,29), Мурманской области – 5,18 чел. / кв. км (8,21) при среднероссийском значении 8,6 чел. / кв. км в 2018 году. О крайне низкой концентрации челове-

ческих и трудовых ресурсов на северных территориях свидетельствует и показатель плотности населения в трудоспособном возрасте, не превышающий значения в 2 чел. / кв. км [25].

В постсоветский период усилилась концентрация населения на урбанизированных территориях – в крупных городах, агломерациях, региональных центрах (доля городского населения в субъектах ЕСР варьируется в пределах 73–92% по итогам 2018 года; табл. 4). С другой стороны, усиление поляризации пространства сказалось и на сокращении численности и доли сельского населения, снижении числа сельских населенных

Таблица 4. Городское и сельское население ЕСР

Территория	Доля городского населения в общей численности населения на 1 января, %			Доля сельского населения в общей численности населения на 1 января, %			Число сельских населенных пунктов с численностью менее 10 чел., ед.		Доля сельских населенных пунктов с численностью менее 10 чел. в числе сельских населенных пунктов с населением, %	
	2002 год	2010 год	2019 год	2002 год	2010 год	2019 год	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год
РФ	73,28	73,6	74,6	26,72	26,4	25,4	34003	36225	23,91	27,09
Республика Карелия	74,81	77,7	80,7	25,19	22,3	19,3	174	203	25,55	30,43
Республика Коми	75,27	76,6	78,2	24,73	23,4	21,8	86	98	12,08	14,33
Архангельская область (с НАО)	75,19	75,2	78,3	24,81	24,8	21,7	1330	1429	39,00	45,77
Ненецкий авт. округ	62,75	67	73,3	37,25	33	26,7	3	2	6,98	5,00
Вологодская область	68,91	70	72,6	31,09	30	27,4	3046	3228	47,48	54,94
Мурманская область	92,26	92,7	92,2	7,74	7,3	7,8	12	20	11,32	20,41

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.; данные ЕМИСС.

пунктов и повышении в них доли населенных пунктов с численностью менее 10 чел. При этом стремление государства к развитию только крупнейших и крупных агломераций, обозначенное в Стратегии, может только усилить разорванность и поляризованность ЭП [2].

Таким образом, наряду с сокращением трудового и демографического потенциала [26] отмеченные факты свидетельствуют об определенной деградации расселенческого каркаса северных территорий, сжатию обжитой части, наличии значительной сети «вымирающих» населенных пунктов без реальных производств и людей, что в итоге ставит под угрозу целостность и связность пространства, снижает возможности интеграции ЭП.

В проводимом исследовании для оценки межрегиональной связности как процесса, выявления тесноты миграционных потоков между регионами были рассчитаны как абсо-

лютные объемы прибытия и выбытия населения, так и показатели КРМС, КИМС, МИПС. Интерпретация полученных результатов проводилась с опорой на теоретико-методологические работы д.э.н. О.Л. Рыбаковского [21; 27] и исследование И.С. Симаровой⁶.

Рассматривая Европейский Север и его внутренние миграционные потоки, можно сделать выводы (исходя из анализа показателей, представленных в табл. 5) о том, что наиболее тесные и равноценные связи существуют между Вологодской, Архангельской областями и Республикой Коми, т. е. в границах Двино-Печорской территориально-хозяйственной системы (ТХС), а также между Республикой Карелией и Мурманской областью – в границах Карело-Кольской ТХС, что наряду со схожестью этих групп субъектов в сфере инфраструктуры и хозяйства территорий подтверждает положения В.Н. Лаженцева [28] о существовании внутреннего единства и связности ЕСР. Вместе с тем

⁶ Симарова И.С. Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства: дис. ... канд. экон. наук. Тюмень, 2014. 146 с.

Таблица 5. Показатели межрегиональной связности по миграции населения субъектов ЕСР в 2018 году

Регион j	Мощность потока детерминанты		КРМС парный, ‰	КИМС (выбытия), ед.	МИПС оборота, раз
	по притоку	по оттоку			
Вологодская область (регион i)					
Архангельская область	0,52	0,52	1001,84	1,51	1,41
Мурманская область	0,26	0,27	1051,53	1,21	0,82
Республика Карелия	0,06	0,09	1419,19	0,48	0,48
Республика Коми	0,15	0,12	826,64	0,50	0,93
Архангельская область (регион i)					
Вологодская область	0,44	0,40	998,16	1,14	1,31
Мурманская область	0,27	0,35	1487,78	1,60	0,89
Республика Карелия	0,06	0,05	937,20	0,26	0,30
Республика Коми	0,23	0,20	966,32	0,82	1,37
Мурманская область (регион i)					
Архангельская область	0,39	0,31	672,14	1,02	0,93
Вологодская область	0,23	0,26	950,99	0,83	0,79
Республика Карелия	0,30	0,38	1075,83	2,32	2,09
Республика Коми	0,07	0,05	584,84	0,23	0,42
Республика Карелия (регион i)					
Архангельская область	0,11	0,13	1067,01	0,44	0,37
Вологодская область	0,16	0,12	704,63	0,41	0,55
Мурманская область	0,70	0,70	929,52	3,63	2,45
Республика Коми	0,02	0,05	2222,22	0,23	0,27
Республика Коми (регион i)					
Архангельская область	0,57	0,52	1034,86	1,68	1,69
Вологодская область	0,27	0,29	1209,72	0,90	1,07
Мурманская область	0,11	0,17	1709,88	0,83	0,50
Республика Карелия	0,05	0,02	450,00	0,13	0,27
Источник: расчеты автора.					

Двино-Печорская и Карело-Кольская ТХС связаны между собой в рамках внутрорегионального разделения труда, транспортной инфраструктурой, кооперационными связями при наличии единых технологических сетей.

Рассматривая связность субъектов ЕСР в территориальных границах СЗФО, можно сделать следующие выводы (временные рамки исследования были ограничены имеющимися в открытом доступе статистическими данными).

1) Республика Карелия в период 1998–2018 гг. имела наиболее тесные миграци-

онные связи с Мурманской областью и Ненецким автономным округом (в 2,46 и 4,92 раза выше средней арифметической взвешенной по всему массиву межрегиональных связей). Неизменными с 1998 года активными миграционными донорами для региона являются Республика Коми и Вологодская область (до 2018 года в их число также входили Мурманская область и Ненецкий автономный округ). С другой стороны, активными реципиентами стали Калининградская и Ленинградская области, г. Санкт-Петербург, а в 2018 году и Ненецкий автономный округ. При этом максимальный миграционный

оборот Республики Карелии наблюдался с ближайшими территориальными соседями – Ленинградской и Мурманской областями, г. Санкт-Петербургом (2782, 2327, 5053 чел. соответственно).

2) Республика Коми в настоящее время имеет тесную взаимосвязь с Архангельской областью и Ненецким автономным округом (МИПС оборота равен 2,35 и 4,21 раза), а также территориально удаленной Калининградской областью (МИПС оборота 2,20 раза). Наиболее активным миграционным донором для региона является Ненецкий автономный округ (ранее в число регионов-доноров входили также Архангельская и Мурманская области). Основные потоки мигрантов из региона направлены с другой стороны в Новгородскую и Ленинградскую области, Республику Карелию.

Стоит отметить, что миграционный оборот Коми с регионами ЕСР с 1998 по 2018 год значительно сократился (например, в 4 раза с Архангельской, в 6 – с Вологодской областью) в сравнении с Ленинградской (сокращение в 1,7 раза) и Калининградской областями (в 2 раза). Полагаем, что этот факт может быть обусловлен, помимо общей переориентации потока, значительным – порядка 33% – сокращением общей численности населения.

3) Архангельская область имеет наиболее тесные связи с соседними регионами – Вологодской областью и Ненецким автономным округом, Республикой Коми (МИПС оборота в 2018 году 3,49, 8,40 и 2,27 раза). Эта связь основана на потоках населения в Вологодскую область, являющуюся в 1998–2010 гг. одним из основных реципиентов для региона; сравнительно равноценном обмене населением с Коми (на 1 тыс. прибывших из республики выбывало в обратном направлении 953 чел. по данным на 2018 год) и Ненецким автономным округом (на 1 тыс. прибывших из округа выбывало в обратном направлении порядка 858 чел.).

Наиболее активным донором для региона в настоящее время является Ненецкий автономный округ (ранее в число регионов-доноров входила также Мурманская об-

ласть). Регионами – миграционными донорами для Архангельской области к 2018 году стали Калининградская, Ленинградская, Новгородская области (в 1998–2002 гг. наблюдалась активная миграция из региона в Вологодскую область и Республику Карелию).

4) Наиболее тесные миграционные связи Ненецкого автономного округа прослеживаются с Архангельской областью и Республикой Коми (МИПС оборота в 2018 году составил 8,89 и 4,32 раза соответственно). В парах с этими регионами, а также с г. Санкт-Петербургом, округ имеет наибольший миграционный оборот, превышающий аналогичные значения в парах с прочими регионами СЗФО (например, в 2018 году оборот между округом и Архангельской областью практически в 20 раз превышал оборот с Мурманской областью, в 15 – с Вологодской и т. д.).

Активным донором для Ненецкого автономного округа по итогу 2018 года стала Карелия, которая, тем не менее, не является его территориальным соседом. При этом в 1998–2002 гг. значителен приток мигрантов из Мурманской области, в 2009–2010 гг. – из г. Санкт-Петербурга. С другой стороны, основными миграционными реципиентами округа в 2018 году выступали Калининградская и Ленинградская области (ранее в их число также входили Вологодская, Новгородская и Псковская области).

5) Вологодская область за 1989–2018 гг. имела наиболее тесные связи с соседними регионами – Архангельской областью и Республикой Коми, а также с Мурманской областью (МИПС оборота в 2018 году равен 3,55, 1,88, 1,48 раза). Наиболее активным донором для региона в настоящее время является Республика Коми (ранее в число доноров входили Архангельская, Мурманская области, Ненецкий автономный округ). Потоки населения из региона направлены в основном в Калининградскую, Ленинградскую области, г. Санкт-Петербург.

6) Мурманская область в 1998–2018 гг. была наиболее тесно связана миграционными потоками с Республикой Карелией, Калининградской и Архангельской,

Вологодской областями (МИПС оборота в 2018 году составил 2,37, 2,03, 1,50, 1,43 раза). Наиболее активными донорами для региона в настоящее время являются Республика Коми и Архангельская область. В 1998–2002 гг. регион сам был донором для остальных субъектов СЗФО и ЕСР (как отмечалось ранее, население активно мигрировало с северных территорий). К 2018 году миграционные потоки из области сконцентрировались в на-

правлении Новгородской, Ленинградской, Псковской областей, г. Санкт-Петербурга.

Наглядно список активных миграционных доноров и реципиентов для субъектов ЕСР представлен в *табл. 6* (с регионами СЗФО, отсутствующими в данной таблице, субъекты имеют сравнительно равноценный миграционный оборот).

Согласно мнению ученых [26], чем ближе регионы территориально находятся

Таблица 6. Регионы – активные миграционные доноры и регионы – активные реципиенты

Регионы ЕСР	Регионы – активные доноры		Регионы – активные реципиенты	
	1989–2002 гг.	2018 год	1989–2002 гг.	2018 год
Республика Карелия	Архангельская область, Мурманская область, Республика Коми, Ненецкий авт. округ	Вологодская область, Республика Коми	г. Санкт-Петербург, Псковская область	Калининградская область, Ленинградская область, Ненецкий авт. округ
Республика Коми	Архангельская область	–	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия
Архангельская область	–	–	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия, Республика Коми	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область
Ненецкий авт. округ	Мурманская область	Республика Карелия	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия	Калининградская область, Ленинградская область
Вологодская область	Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий авт. округ, Республика Коми	–	Псковская область	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия
Мурманская область	–	Архангельская область	Вологодская область, г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Ненецкий авт. округ, Новгородская область, Псковская область, Республика Карелия	г. Санкт-Петербург, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область

Источник: расчеты автора.

друг к другу, тем, при прочих равных условиях, их миграционный обмен более равноценный. На практике, как показывают расчетные данные, такой четкой зависимости не наблюдается – у большинства регионов ЕСР миграционный обмен неравномерен, что обусловлено агломерационным влиянием Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга, Калининградской, Новгородской и Псковской областей, уже сложившейся тенденцией миграции жителей с северных регионов, субъективными мотивами населения.

В то же время можно отметить нарастание тесноты межрегиональной миграционной связности в рамках всего Северо-Западного федерального округа (в советский период включающего в себя субъекты Северного экономического района – ЕСР и Северо-Западного экономического района), что свидетельствует о повышении степени интегрированности Европейского Севера в общее ЭП страны и межрегиональном сближении. Однако однозначно оценить этот момент (активное вовлечение субъектов ЕСР в миграционные потоки более крупного региона) как позитивный нельзя, поскольку одновременно этому способствовали разрушение устоявшихся хозяйственных связей Севера, усиление структурных диспропорций в экономике (преобладание добывающих производств в валовом региональном продукте в ущерб другим видам деятельности высокой добавленной стоимости), фрагментация и дезинтеграция всего российского пространства. Тем не менее исследования связности ЭП на межрегиональном и внутрирегиональном уровне целесообразны, необходимы, т. к. анализ тенденций и выявление их причин позволят в случае необходимости оперативно реагировать на нежелательные изменения, дадут возможность разработать механизмы, поддерживающие оптимальные пропорции внутри социально-экономических систем.

В соответствии с обозначенным полагаем, что повышению связности и углублению интеграции субъектов Европейского Севера в пространство СЗФО и страны в целом могут способствовать следующие меры.

1. Оптимизация размещения производительных сил и расселения населения на принципах экономической и социальной целесообразности посредством стимулирования временной, трудовой, образовательной миграции на северные территории; формирования инновационных, научно-образовательных, промышленных центров, а также бизнес-структур в непрофильной для регионов специализации, привлекаемых для квалифицированных кадров (обладающих высокой мобильностью и степенью адаптируемости); развития межрегиональных рынков труда и использования при необходимости вахтового режима работы, предполагающих перемещение работников между соседними регионами/муниципалитетами в границах ЕСР и СЗФО.

2. Активная работа органов власти и местного самоуправления над стимулированием рождаемости, повышением комфортности проживания населения, развитием инженерной и социальной инфраструктуры, а также поддержка лиц и семей, сменивших место жительства, повышение уровня социального и экономического партнерства между регионами, т. е. формирование благоприятной социально-экономической обстановки для проживания и работы.

3. Формирование межрегиональных объединений и кластерных форм, ядром которых могут выступить крупные субъекты бизнеса регионов (промышленные, добывающие, сельскохозяйственные, IT-компании), объединяющие вокруг себя обслуживающие предприятия, различные посреднические и сопутствующие структуры. В результате объединения ресурсов и усилий, координации целей члены кластера смогут получить доступ к новым технологиям, дополнительным финансовым ресурсам, квалифицированной рабочей силе, необходимой информации, увеличить масштабы, экономическую эффективность и географию своей деятельности, в результате чего степень интегрированности и связности территорий будет повышаться.

4. Дополнительный стимул к развитию интеграции – инвестиционная поддержка

межрегиональных проектов и содействие развитию деловых контактов со стороны органов власти и местного самоуправления, а также законодательное и бюджетное обеспечение процесса интеграции, смягчение административных барьеров и нивелирование ограничивающих факторов. Полагаем, что участие государственных органов (при существующей возможности их прямого и косвенного влияния на экономическую сферу и деятельность бизнес-структур) может оказать значительное позитивное влияние на темпы развития интеграции ЭП.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие положения.

Во-первых, в целях формирования единого ЭП России необходимо обеспечивать межрегиональную и внутрирегиональную связность на рынках факторов производства, стимулировать развитие интеграционных процессов, поддерживать обмен потоками населения, товаров, финансовых ресурсов и др. При этом стоит учитывать, что миграционные потоки являются мощным фактором преобразования всего экономического пространства – в рыночных условиях вслед за движением населения осуществляется переток капитала, изменяется конъюнктура на рынке труда, происходит перераспределение по территории создаваемого общественного продукта и др.

Перераспределение населения по территории страны выступает необходимым условием обеспечения социально-экономического развития для России в XXI веке [29]. Однако с учетом сложившейся в субъектах ЕСР демографической ситуации, усугубляемой мощным миграционным оттоком населения с северных территорий и все возрастающим спросом на дополнительную рабочую силу в «якорных центрах», обеспечить связность пространства, а также комплексное социально-экономическое развитие крайне сложно (каркас расселения, а следом и производственный каркас, при сохранении таких тенденций будут сжиматься, приближаться к «якорным центрам»).

Во-вторых, как показали результаты исследования, в постсоветский период Европейский Север несколько утратил свои внутренние взаимосвязи, но стал более интегрирован в пространство Северо-Западного округа и всей России. При этом, несмотря на существование характерных общероссийских тенденций (притяжение к местам концентрации экономической и политической жизни страны, миграция в сторону южных и центральных регионов), регионы ЕСР сохраняют сильную миграционную связь с северо-западной частью страны, что свидетельствует о необходимости развития интеграционных процессов в первую очередь в рамках Северо-Западного экономического района.

В-третьих, исходя из физической и функциональной взаимодополняемости территорий, отсутствия культурных и политических противоречий, связанности транспортной инфраструктуры, наличия исторически сложившихся хозяйственных связей и географической близости Европейского Севера с другими субъектами СЗФО (т. е. наличие объективных предпосылок развития интеграционных связей), целесообразно обратить пристальное внимание на устранение существующих проблем и административных барьеров для повышения связности, асимметрий и межрегиональных различий в уровне жизни населения, темпах социально-экономического развития. С другой стороны, в целях углубления интеграции субъектов Европейского Севера в пространство СЗФО (и страны в целом) уместно реализовывать меры, направленные на усиление интенсивности и связности потоков капитала, информации, товаров и услуг, населения (рабочей силы), создание благоприятной социально-экономической обстановки для работы и жизни населения на северных территориях (для предотвращения значительного миграционного оттока), стимулирование кооперации и государственную поддержку межрегионального сотрудничества бизнес-структур различных форм.

Полученные результаты вносят вклад в развитие представлений о простран-

ственной связности северных территорий и могут быть использованы в целях совершенствования региональной политики в области социально-экономического и пространственного развития, а также при дальнейшем развитии отдель-

ных аспектов тематики исследования. На следующих этапах работы предполагается провести анализ пространственной интеграции ЕСР в контексте связности межрегиональными потоками товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI веке // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106
2. Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // *Вопросы территориального развития*. 2019. № 3 (48). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
3. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125
4. Курушина Е.В., Петров М.Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 1. С. 176–189. DOI: 10.17059/2018-1-14
5. Полякова А.Г. Модернизация структуры экономического пространства региона // *Вестн. Череп. гос. ун-та*. 2011. № 2 (30). С. 28–31.
6. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Горюнов А.П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2018. № 13. С. 885–888.
7. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2015. № 5. С. 7–32.
8. Полякова А.Г., Герасимова В.В. Интеграционные процессы в экономическом пространстве регионов // *Изв. Урал. гос. экон. ун-та*. 2011. № 1 (33). С. 34–39.
9. Ekelund R.B., Hébert R.F. Cycles in the development of spatial economics. In: Ohta H., Thisse J.F. (eds.). *Does Economic Space Matter?* London: Palgrave Macmillan, 1993. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-349-22906-2_2#citeas. DOI: 10.1007/978-1-349-22906-2_2
10. De Boe Ph., Grasland C., Healy A. *Spatial Integration, Report of working group 1.4 of the Study Program on European Spatial Planning*. 1999. Available at: www.nordregio.se/spespn/Files/1.4.final.pdf
11. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge: The MIT Press, 1999. 382 p.
12. Amdam R. Sectoral versus territorial regional planning and development in Norway. *Journal of European Planning Studies*, 2002, vol. 10 (1), pp. 99–111.
13. Fischer M. [et al.]. *Spatial Dynamics of European Integration*. Berlin, Heidelberg: Springer, 1999. 367 p. DOI: 10.1007/978-3-642-60180-4
14. Biot V., Colard A. Challenges and issues of spatial planning in the European Union: European vision and supraregional co-operation. *Belgeo*, 2000, vol. 1-2-3-4, pp. 143–162. DOI: 10.4000/belgeo.13962
15. Uszkai A. measurement levels of the spatial integration – suggestions for a Central-European factor group. *Deturope*, 2015, vol. 7, iss. 2, pp. 65–80.
16. Rogers A., Willekens F., Little J., Raymer J. Describing migration spatial structure. *Papers Reg. Sci.*, 2002, vol. 81, no. 1, pp. 29–48. DOI: 10.1007/s101100100090

17. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99, no. 3, pp. 484–499.
18. King R., Collyer M. Migration and development framework and its links to integration. In: Garcés-Mascareñas B., Penninx R. (eds.). *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Springer: Cham, 2016, pp. 167–188. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_10
19. Сенокосова О.В. Экономическое пространство рынка труда // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 16–20.
20. Топилин А.В., Хомяченко О.Н., Кабалинский А.И. Оценка дезинтеграционных тенденций в экономическом пространстве России и методы их преодоления // Вестн. РАЕН. 2016. № 4. С. 81–85.
21. Петренко К.В., Рыбаковский О.Л. Межрегиональные миграционные связи населения и трудовых ресурсов Тюменской области // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 16–23.
22. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект / П.А. Минакир [и др.] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54
23. Фаузер В.В. Факторы миграции населения северных регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 3 (11). С. 138–144.
24. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
25. Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
26. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
27. Рыбаковский О.Л. Методические вопросы анализа межрегиональных миграций // Народонаселение. 2008. № 1. С. 53–61.
28. Лажнецов В.Н. Междисциплинарный синтез и исследовательская программа (с примерами по географии севера России) // Изв. Коми НЦ УрО РАН. 2017. № 1 (29). С. 102–108.
29. Будилов А.П., Калачикова О.Н. Миграция и переселенческие установки жителей Вологодской области // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 108–119. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Светлана Сергеевна Патракова – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru

Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S.

INTEGRATION PROCESSES IN THE EUROPEAN NORTH FROM THE PERSPECTIVE OF THE INTERREGIONAL POPULATION MIGRATIONS

Despite some positive consequences for Russia, the market reforms of the 1990s, resulted in the disruption of a number of inter-regional relations, increased disintegration and fragmentation processes in space, the formation of the so-called “economic benefit islands” at the national level, and the degradation of intra-regional centers of attraction. At the same time, the complex global political and geo-economic situation has exacerbated the need to develop interregional cooperation and strengthen the economic space coherence. Under these conditions, the factors of further socio-economic development of Russia are its internal sources, the effective use of which depends on the coherence of the national space, the intensity of economic resources movement in it, and so on. While for the Northern regions with their significant internal spatial heterogeneity, the coherence strengthening is of particular importance. The purpose of the article is to study the integration of the European North of Russia (ENR) from the perspective of the interregional migration flows. The authors use the monographic method, methods of analysis and synthesis, methods of economic-mathematical and statistical analysis. As a result, it was found that the observed decrease in the ENR subjects’ population in the post-Soviet period was due to significant scales of both natural and migration losses. It is determined that the increase in the degree of the European North integration into the economic space of the North-Western Federal District is associated not only with the active involvement of the ENR subjects in the migration flows of a larger economic region, but also with structural imbalances in the economy, the destruction of the established economic ties of the North, fragmentation and disintegration of the entire Russian space. The research results contribute to the development of ideas about the Northern territories’ spatial coherence and can be used by researchers in developing on similar topics, as well as by federal and regional authorities in developing strategies and programs for socio-economic and spatial development.

Economic space, integration, coherence, migration flows, European North of Russia.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Svetlana S. Patrakova – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru